

В. П. Берков

ДВУАЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

(Прозаические соображения по выходе
Большого норвежско-русского словаря)¹

В литературе по теории двуязычной лексикографии нет недостатка в перечислении качеств, которыми должен обладать идеальный двуязычный словарь. Эти перечисления обычно предваряются или заключаются словами «словарь должен давать ответ на все возможные вопросы пользователя». На деле же, как всем прекрасно известно, даже самые большие словари нередко не дают ответа на различные вопросы пользователей. В этих заметках мы попытаемся проанализировать причины такого положения.

Словник

Естественно, одной из главных причин неполноты двуязычных (как, впрочем, и одноязычных) словарей является вынужденная ограниченность их объема. Она вызывается прежде всего практическими, земными моментами — коммерческими соображениями издательств (они руководствуются в первую очередь финансовой стороной, очень большие и потому дорогие словари далеко не всем доступны, и спрос на них ограничен), удобством для пользователя (однотомным словарем удобнее пользоваться, нежели пятитомным и даже двухтомным; многим очень большой словарь не нужен, они «тонут» в нем) и т. д. Это достаточно очевидно, и нет необходимости задерживаться на этом. Отметим

¹ *Stor norsk-russisk ordbok / Большой норвежско-русский словарь* / Отв. ред. В. Берков; ред. Х. Харальдссон, С. Коттум. Осло, 2003. 1605 с.

лишь, что эта неполнота проявляется прежде всего в словнике, но также и в словарной статье.

Конечно, пользователи часто предъявляют к обычному (т. е. не отраслевому, или не специальному) словарю завышенные требования. Например, сразу после выхода Большого норвежско-русского словаря (далее БНРС) один норвежский математик поставил авторскому коллективу в вину, что в статье Abel (1... норвежский математик... 2 *bib.* Авель) отсутствуют словосочетания *abelske ligninger* 'абелевские уравнения', *abelsk funksjon* 'абелевская функция' и др.; отметим попутно, что статьи Abel (с обоими значениями) вообще нет ни в одном из известных нам норвежско-иноязычных словарей.

Вторая причина того, что в словниках двуязычных словарей порой встречаются пропуски, объясняется тем, что их составители в подавляющем большинстве случаев используют словники толковых словарей (по возможности самых надежных и самых новых; такие словари, между прочим, есть не для всех языков), аналогичные двуязычные словари с тем же входным языком и, эвентуально, словари новых слов (они имеются далеко не для всех языков). Однако словари эти, естественно, тоже грешат пропусками — по разным причинам, из которых назовем лишь главную: слово (или одно из его значений) возникло относительно недавно и «не успело попасть» в словарь. Частотные словари в работе над двуязычными словарями используются, насколько мы знаем, редко, а, кроме того, при нынешнем уровне лингвостатистики они охватывают относительно небольшое количество единиц и в целом малонадежны.

Разумеется, возможны в толковых и двуязычных словарях и необъяснимые пропуски, вызванные «человеческим фактором», например утратой лексикографом внимания в какой-то момент работы. Так, в надежном Большом толковом словаре русского языка (СПб, 1998; 446 а. л.) отсутствуют статьи *заковыка* и *заковыристый*, стоящие рядом по алфавиту; видимо, последнее не случайно. Раньше, когда словари писались на карточках, бывали и такие прозаические происшествия, как потеря одной или даже нескольких карточек, что, кстати, при вычитке рукописи обнаружить довольно трудно.

Особенно часто не попадают в двуязычные словари, как, впрочем, и в одноязычные, слова разговорные, сниженные, жаргонные. Вернее, такие слова попадают в словари с запозданием, иногда довольно большим. Ограничимся несколькими простыми примерами. В упомянутом выше Большом толковом словаре русского языка в статье *пересечься* нет достаточно распространенного значения 'встретиться, оказаться в

одном месте' (*завтра мы с вами пересечемся в университете*). Нет в нем разговорных выражений *приехали* и *проехали*. В статье *запасть* не зарегистрировано недавно возникшее жаргонное выражение *запасть* (*на кого-л.*) 'увлечься кем-л., заинтересоваться кем-л.'

Последний пример приводит нас к вопросу о степени включения в обычный, даже большой, словарь (как двуязычный, так и толковый) жаргона и сленга. Как всем ясно, в этом текучем слое лексики помимо единиц широкоупотребительных есть и масса таких, которые обладают невысокой частотой, ограничены в своем употреблении определенным контингентом говорящих (чаще всего возрастным, но, конечно, не только им). Автору словаря часто сложно самому определить, насколько может быть оправдано включение той или иной сниженной единицы. Нередко он руководствуется крайне простым, но весьма субъективным критерием: «Я этой единицы не знаю, мне она представляется редкой, поэтому ее в словарь включать не следует».

В отношении сниженной лексики есть еще один существенный момент. Авторы словарей, как правило, люди умственного труда и притом обычно среднего или старшего возраста. Они, в основном, общаются с носителями сниженной речи мало и недостаточно хорошо владеют ею. По большей части их сведения о ней черпаются из разговоров со своими детьми или внуками, т. е. на уровне «от сына (внучки) я слышал(а) ...». Это им представляется достаточным для того, чтобы ничтоже сумняшеся вставить такую единицу в словарь. Нередко оказывается, что слово (словосочетание) это понято лексикографом лишь приблизительно, да и вообще оно не характерно для основного варианта сленга.

В известной мере знания живой речи в разных ее вариантах, включая сленг и жаргон, можно почерпнуть из современной массовой литературы, особенно детективной, довольно хорошо отражающей ее. Однако у серьезных лексикографов обычно нет времени на чтение такой литературы, да и далеко не все они любят этот жанр. А ведь автор двуязычного словаря должен, в принципе, быть хорошо знаком со сниженной лексикой не только своего родного языка, но и иностранного языка, в частности читать названную литературу на этом языке. Такое в лексикографической среде встречается нечасто.

Есть еще одна проблема, связанная со словником, на которую редко обращают внимание, — проблема «лишних слов». При вынужденной ограниченности объема двуязычного словаря, даже большого, единицы очень низкочастотные, используемые весьма редко, скорее всего, не будут, как сейчас говорят, востребованы пользователем. Зачастую они

неизвестны и самому автору словаря, но он включает их, поскольку они есть в других словарях, и он, не полагаясь на свои знания, опасается пропустить нечто, возможно, важное. Включение таких единиц в словарь, естественно, не оправдано.

Заданность объема словаря имеет еще одно следствие. Довольно часто к концу работы, в последний момент, обнаруживается, что рукопись словаря превышает, иногда значительно, договорный объем. Всем ясно, что сокращение рукописи корпуса — огромный дополнительный (и к тому же неоплачиваемый) труд. По этой причине сокращение общего объема словаря происходит за счет различных, порою крайне нужных, дополнений. Так, в самый последний момент из рукописи БНРС издательство «Kunnskapsforlaget» изъяло все графические иллюстрации, нашу «Активную грамматику русского языка» (написанную по-норвежски) и некоторые другие материалы.

Отсутствие информации, необходимой для работы

Автор двуязычного словаря порой сталкивается с проблемой недостаточной разработанности, т. е. отсутствием описаний тех или иных элементов языка. Это можно показать на примере русских конструкций, которые мы условно назовем *у нас есть...* / *у нас...* Остановимся на этом подробнее.

Указанные конструкции различаются по своим значениям, что хорошо чувствует каждый русский. Ниже будут приведены некоторые (далеко не все!) примеры, по соображениям места значение их описываться не будет. В случаях, когда возможно как употребление конструкции с *есть*, так и ее отсутствие, но с разными значениями, ставятся две косые черты. Примеры:

у нее голубые глаза; у стола три ноги; у этой машины автоматическая коробка передач // у этой машины есть кондиционер; у него хороший слух // у него есть (музыкальный) слух; у нее хорошее зрение; у меня температура; у сестры большое горе; у отца срочная работа / у отца теперь есть работа; тебя подвезти? — нет, спасибо, у меня (сегодня) машина // у меня есть машина; у него есть машина, но у них в семье две машины; у нее есть дети // она сейчас не работает: у нее грудной ребенок; у меня (есть) вопрос; у кого есть ключ от лаборатории? // у кого ключ от лаборатории?; в нашем доме однокомнатные квартиры // в нашем доме есть однокомнатные квартиры и т. д. и т. п.

Подчеркнем еще раз, что приведены иллюстрации только части значений этих конструкций. Но даже их достаточно для того, чтобы показать сложность решения этой частной проблемы. Мы сами занимались ею и должны признаться, что нам не удалось найти общих сжатых формулировок, которые бы объясняли все случаи глагольного и безглагольного употребления (и к тому же были инструктивны для пользователя словаря). Даже объяснение отдельных значений требует достаточно многословных формулировок (естественно, на иностранном языке).

Едва ли есть необходимость доказывать важность такой информации в словаре. Все мы сталкивались со случаями, когда иностранцы говорят: *у меня есть температура; я не тороплюсь; у меня время; она сейчас не работает; у нее есть грудной ребенок* и т. п.

Как уже сказано, мы специально занимались данным вопросом и описать результаты оказалось возможным лишь в статье среднего объема, притом в лингвистических терминах. Естественно, в двуязычном словаре это совершенно невозможно.

Другой пример отсутствия необходимой информации для автора двуязычного словаря — дистрибуция вариантов предлога *в/во*. В толковых словарях русского языка таких сведений мы не нашли. Между тем исчерпывающее описание этой дистрибуции требует много места, особенно если учитывать не только начала существительных или прилагательных, но и «идиоматические» случаи типа *во-первых* (ср.: *в-пятых*); *во имя* (ср.: *в имени*); *во исполнение* (ср.: *привести в исполнение*) и т. д. и т. п. Мы попытались описать такую дистрибуцию (хотя это не входит в задачи автора двуязычного словаря), и наше описание получилось довольно сложным и многословным.

Этим проблема не исчерпывается. Откуда автору русско-иноязычного словаря взять всю информацию такого рода? Занимаясь вопросом «конструкция с *есть* / конструкция без *есть*», мы, как сказано, не нашли в литературе нужного нам описания. Но даже если бы оно имелось, было бы утопией надеяться, что автор русско-иноязычного словаря станет ради этих конструкций копаться в лингвистической литературе в поисках такого описания. Строго говоря, это и не его задача: он, в принципе, должен иметь готовый исходный материал, и его задача — адекватная передача его на иностранном языке.

Далее автор двуязычного словаря, в общем, работает в условиях цейтнота и потому просто не может тратить много времени на такие частные вопросы. Но об этом ниже.

У проблемы *у нас... / у нас есть...* имеется еще одна важная принципиальная сторона. Если конструкции с *есть* можно поместить в опре-

деленную статью (*есть* или *быть*) то безглагольные конструкции, т. е. конструкции с нулевой морфемой, ни к какой статье «не привязать», а значит, ни в какую статью не поместить. Разумеется, обе конструкции целесообразно дать вместе, но формально конструкциям без *есть* не место в статье *есть*.

(Вообще включение в словарь конструкций с нулевыми морфемами — сложная лексикографическая проблема. Однако на ней мы здесь не имеем возможности останавливаться.)

В отношении конструкций *у нас... / у нас есть...* и сходных случаев возможно одно простое, хотя, видимо, и не оптимальное решение. Их можно приводить в словаре без лингвистического комментария, но с иллюстративными или «объяснительными» переводами, из которых пользователь сам извлечет необходимую информацию. Так, в переводном эквиваленте предложения *в нашем доме однокомнатные квартиры* указывается значение ‘только’ и т. п. При подобном решении, правда, на пользователя возлагается задача самому вывести нужные правила. Существует, конечно, опасение, что не все пользователи обладают достаточными индуктивными лингвистическими способностями.

Строгость описания значения

Автор двуязычного словаря сталкивается далее со следующей дилеммой. Значение ряда разрядов слов (предлогов, вспомогательных и модальных глаголов и т. д.) может быть адекватно описано только в лингвистических терминах. Однако словарем пользуются в основной своей массе нефилологи, которым эти термины неизвестны, и строгие научные формулировки могут быть им просто непонятны, не говоря уже о том, что такие строгие описания значений зачастую требуют много места.

Это же требование строгости научного изложения и построения статьи приходит не столь уж редко в противоречие с соображениями удобства пользования словарем. Это можно проиллюстрировать примером скандинавских многозначных глаголов (скажем, *slå*), употребляющихся также с приглагольными частицами (*slå an, slå av, slå bort, slå etter* и т. д.). С одной стороны, большая часть значений (иногда их довольно много) таких сочетаний глаголов с частицами (но не все!) при строго научном подходе должна быть разнесена по разным значениям глагола (без этих частиц), с другой — поиск сочетаний с частицами при таком построении статьи становится крайне трудоемким (статья *slå* в БНРС

занимает три страницы по три столбца плотного набора). Поэтому именно для удобства пользователя для большей обзорности сочетания с прилагательными частицами признано целесообразным выделять их в особую часть словарной статьи. Практическое требование минимализации времени поиска пользователем оказывается в таких случаях определяющим.

Фактор времени

В общем, каждый лексикограф работает в условиях цейтнота. Издательства по понятным причинам устанавливают автору / авторам словаря жесткие сроки: нам неизвестны словарные издательства, которые бы заключали договор, например, на десять лет. Зачастую сами издательства понимают нереалистичность договорного срока и пролонгируют договор, но сравнительно ненадолго. Нередко срок продлевается несколько раз.

Дамоклов меч срока сдачи висит над авторами и заставляет их работать быстро. Нередко автор рассуждает так: «Я не могу тратить целый час на эту небольшую статью» и делает ее без полной отдачи, в лучшем случае надеясь на ответственного редактора. На долю последнего, если он добросовестно относится к своей задаче, выпадает колоссальная работа: проверка полноты словника и пополнение его в необходимых случаях; контроль за структурой словарных статей, в частности за правильным членением значений и размещением иллюстративного и фразеологического материала; выверка правильности эквивалентов (одна из важнейших задач!), как с точки зрения их адекватности, так и с точки зрения стилистической; обширная техническая правка (шрифтовые выделения, знаки препинания, интервалы, правильное использование условных знаков и сокращений) и многое, многое другое.

Работая в качестве ответственного редактора над БНРС, рукопись которого (естественно, в виде компьютерных распечаток) составила около 5500 страниц, мы вносили в среднем по 50 исправлений, а также до 10 вставок на самоклеющихся листках на страницу. Сотни статей вообще не поддавались редактированию в распечатках, и мы сами полностью набирали новый вариант на компьютере. Всего, по нашей оценке, в рукопись БНРС нами внесено более четверти миллиона разного рода исправлений. За хороший полный рабочий день удавалось (правда, далеко не всегда) отредактировать около 12 страниц, иногда значительно

меньше. (Добавим, что нами написаны самые сложные статьи — предлоги, вспомогательные глаголы, местоимения, ряд многозначных глаголов и др.) Естественно, эта работа совершалась в условиях жесткого цейтнота.

Лексикографическая квалификация

За единичными исключениями, специализации «лексикография» нет в вузах большинства стран. Это означает, что на практике за лексикографическую работу берутся люди, не имеющие соответствующей подготовки и обучающиеся словарному делу в процессе работы.

Словарная работа, как и всякая другая, предъявляет к исполнителю ряд требований, из которых не последнее место занимают способности, о чем почему-то не принято говорить. Естественно, что в этой ситуации огромная роль принадлежит ответственному редактору (руководителю проекта). В частности, ему необходимо осуществить на начальном этапе работы обучение авторского коллектива началам двуязычной лексикографии, читать первые пробы авторской работы и вносить исправления, а в той мере, в которой ошибки имеют принципиальный характер, знакомить с правильными решениями других членов авторского коллектива. Такую практику мы осуществляли на начальном этапе работы над БНРС. Анализируя и суммируя обнаруженные у одного автора ошибки, мы составляли письма и рассылали их всем авторам.

Автор двуязычного словаря, как всем понятно, имеет дело с самым разнообразным материалом, нередко ему неизвестным, как на входном, так и на выходном языке словаря. В подавляющем большинстве своем лексикографы — филологи, и, разумеется, им не может не хватать знаний в разных областях — технике, науке, медицине, спорте и т. д. Обращаться к специалистам не у всех есть возможность и время. Чаще всего ответа ищут в других словарях, что не всегда эффективно и надежно; есть немало примеров того, как неточности перекочевывают из словаря в словарь.

Поскольку словари теперь в абсолютно преобладающем числе случаев делаются коллективами и статьи по буквам делятся между отдельными авторами, сказанное приводит помимо прочего к одному нежелательному эффекту, а именно — нарушению системности в словнике. Словник, в принципе, должен характеризоваться в низкочастотной своей части примерно одним «уровнем глубины». Если в качестве нижнего предела берутся, например, лексемы, характеризующиеся частотой $1 : 10^{-x}$, то нежелательно брать лексемы с частотой $1 : 10^{-y}$. И наоборот, лексемы с

первой из названных частот следует брать полно. (Конечно, при отсутствии надежных лингвостатистических данных делается это на уровне интуиции.) Системность проявляется в том, что если из какой-либо области берется одна единица, то следует брать и другие единицы того же частотного порядка. Несколько элементарных примеров. При наличии в словаре слова *карбюратор*, следует брать слово *инжектор* (современные автомашины обычно имеют инжекторы). Если включается название *Книга Бытия*, то должны быть включены и названия *Книга Исход... Книга Второзаконие*. Неправильно брать, например, из древнескандинавской мифологии имена богов *Один, Тор, Ньерд* и не брать *Локи, Фрейя* и др. К сожалению, при «побуквенной» работе членов коллектива такое встречается достаточно часто. Конечно, за систематичностью следит ответственный редактор, однако полагаться на это не следует.

В идеале нарушений систематичности можно избежать, если по отдельным областям лексики составлять особые списки. Среди различных списков, составленных для БНРС, назовем составленный нами список имен и слов, связанный с древнескандинавской культурой.

Владение обоими языками словаря

В идеале лексикограф должен в равной степени владеть обоими языками словаря — как своим родным, так и иностранным. Как всем очевидно, такое встречается крайне редко (и, отметим в скобках, не в среде лексикографов). Рассмотрим эти требования порознь.

Безупречное владение своим родным языком, к сожалению, вещь встречающаяся далеко не всегда. Каждый сталкивался с корявыми переводами художественной литературы, изобилующими стилистическими ошибками. Естественно, то же наблюдается в двуязычной лексикографии. Для иллюстрации приведем несколько примеров из первоначального варианта рукописи БНРС (у всех авторов этих переводов родной язык — русский!): *он зарделся как рак; он ввел машину задним ходом в стену; фильм поднял суматоху; им туго с деньгами; посмотреть боком на что-л.; меня чуть не хватил удар, услышав цену; он шибко задумался; предложение по бросовой цене; с быстрой скоростью; перелом лыж; юбка сморщилась* и т. д. и т. п.

Такие ошибки в двуязычном словаре особенно опасны, поскольку они потом тиражируются пользователями.

Что касается иностранного языка, то владение им на уровне языка родного (а также знание культуры коллектива, говорящего на этом языке)

встречается крайне редко. Не будем останавливаться на очевидных причинах такого положения, отметим лишь, что неполное знание иностранного языка характерно даже для многих лиц, проживших в чужой стране немало лет.

Особенно чувствуется это у лиц, не живших в другой стране в детские годы. Незнание детской литературы, фольклорных произведений, детских кинофильмов и др., с которыми знакомятся в раннем возрасте, — характерный пробел даже у тех взрослых, кто прекрасно владеет иностранным языком. Приведем несколько (из сотен, а скорее и тысяч) русских примеров таких разнообразных «детских лексических единиц»: *откуда — от верблюда; тянут-потянут, вытянуть не могут; в лесу родилась елочка...; раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...; сорока-ворона кашу варила...; на дворе трава, на траве дрова; кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?; чего тебе надобно, старче?; что такое хорошо и что такое плохо; ну погоди; ни в сказке сказать, ни пером описать; мама мыла раму* и т. д. и т. п. Многие из этих примеров, как видно, приведены не полностью. Сюда же относятся «взрослые» популярные цитаты из литературных произведений, кинофильмов, рекламы и т. п., например: *с ним была плутовка такова; спой, светик, не стыдись; я пришел к тебе с приветом; не делайте из еды куклы; Восток — дело тонкое; надо, Федя, надо; ребята, давайте жить дружно; сладкая парочка* и т. п.

В этой связи позволим себе небольшое отступление. Уже много лет автор этой статьи высказывал устно и письменно мысль о необходимости издания пособий под условным названием «Строки, которые знает каждый русский (англичанин, немец, француз, чех и т. д.)». Такое пособие, предназначенное для иностранцев, изучающих соответствующий язык, должно включать те широко известные и употребительные цитаты, которые едва ли можно назвать крылатыми словами, поскольку для большинства последних характерна афористичность и глубина мысли. Речь идет, таким образом, не об антологии лучших образцов словесности, а о сборнике популярных цитат (в свое время мы назвали их простыми). Некоторые тексты (например, «Телефон» К. Чуковского) приводятся полностью, некоторые в выдержках. Впрочем, структура такого пособия — особая тема.

* * *

Были рассмотрены некоторые противоречия, связанные с работой в области двуязычной лексикографии. Мы постарались показать, что ряд объективных моментов не позволяет современным двуязычным слова-

рям соответствовать высоким лексикографическим идеалам. В сколько угодно хорошем, сделанном крайне добросовестно словаре всегда можно найти недостатки (многие пользователи с наслаждением выискивают пропуски, не вполне удачные переводы и пр.). Современный словарь фатально не может быть свободен от недостатков. На нынешнем этапе лексикография остается искусством возможного.

V. P. Berkov

TOSPRÅKLIG LEKSIKOGRAFI OG VIRKELIGHET
(PROSAISKE BETRAKTNINGER ETTER AT *STOR NORSK-RUSSISK*
ORDBOK-2003 ER KOMMET UT)

I artikkelen skrevet av ordbokens hovedredaktør gjøres det rede for hvorfor en aldri så stor tospråklig ordbok ikke kan gi svar på alle mulige spørsmål brukeren måtte ha. Blant de mange faktorene som forårsaker dette, nevnes følgende: lemmalisten har sine begrensninger; i en rekke tilfeller mangler ordboksforfatteren nødvendig informasjon; betydningen av noen lemmer (f.eks. preposisjoner) krever en strengt vitenskapelig beskrivelse som er alt for vanskelig for den jevne bruker; arbeidet med ordboken foregår under tidspress; noen leksikografer har utilstrekkelige kvalifikasjoner.

Leksikografien er fremdeles det muligens kunst.